

Глава 2. Некоторые источники мировоззрения глубинной экологии

Глубинная экология — радикальное природоохранное мировоззрение в том смысле, что она выражает давно уже существующее течение меньшинства в религии и философии в Западной Европе, Северной Америке и на Востоке. У него есть ярко выраженные параллели и общие взгляды со многими религиями и философскими воззрениями первобытных людей (включая аборигенов Америки — индейцев). В определённом смысле это течение можно интерпретировать как возвращение к той мудрости, к тем познаниям, которыми люди когда-то обладали.

Вечная философия

Олдос Хаксли в своей работе «Вечная философия» рассмотрел множество религий и философий в поисках общих положений. Он обнаружил, что типичным для них началом является метафизическое объяснение мира или реальности, помещающее человека в более широкий контекст сущего. Человеческую психологию понимали тогда в терминах приспособления, адаптации к этой более широкой реальности. Наконец, система этики, или образа жизни была конечным результатом этого подхода вечной философии. Духовный рост человека, его формирование, достижение зрелости происходили в результате «просвещения» — осознания того, что наше узко-изолированное, социализированное «я» есть иллюзия, что на самом деле мы тончайшим образом связаны со всеми процессами, происходящими вокруг нас. Многим людям известны эти идеи из восточных традиций, однако они не понимают, что и на Западе традиция этой вечной философии существовала тысячелетиями. В качестве удачных примеров западной философии можно привести системы Пифагора и Платона (обратите особое внимание на «аллегория пещеры» в его «Республике»), а также более природно-ориентированную систему Спинозы. Философ Якоб Ниддлман в «Утраченном христианстве» и «Сердце философии» рассматривает гностику и другие западные религиозные традиции вечной философии, так же как и Рожак в работах «Где кончается пустошь» (1972) и «Незавершённое животное» (1977).

Традиция вечной философии имеет сегодня непосредственное отношение к нам по нескольким причинам. Современная западная академическая философия в двадцатом веке слишком уж связала себя с механистической наукой, считая её пробным камнем для своего понимания реальности и получения знаний, а так же средством узкого, предубеждённого

анализа языка, и уж конечно, не способна отыскать утерянную мудрость философской традиции. К примеру, нынешние специалисты — философы развивают этическую теорию в полном отрыве от её метафизических основ или понимания выдвигаемых ими глубоких предположений. Кроме того, они игнорируют историю философии и те культурные контексты, в которых возникали те или иные идеи и теории. Всё это в той или иной мере укрепляет антропоцентризм и существующее индустриально-технократическое общество. Такие специалисты мало пригодны для того, чтобы помочь формировать так необходимое нам ныне мировоззрение глубинной философии.

Подобным образом и современная психология потеряла связь с философией мудрости и представляет нас с помощью слишком упрощённых и искажённых социально ориентированных моделей здорового и зрелого человека. Значительное внимание в восточной философии, психологии и методах духовного усовершенствования уделяется ныне попыткам исправить оскудение философии и психологии Запада. Возрождение традиции вечной философии снова объединяет метафизику, психологию, теорию знания, этику, общественные и политические теории, чтобы помочь нам получить последовательное и цельное представление о мире и значении человеческой жизни.

Олдос Хаксли подчёркивает, «во всех исторических формулировках вечной философии представления о том, что конец человеческой жизни ... есть прямое и интуитивное напоминание о Боге, что действие есть средство достижения цели, являются аксиомой». Многие представители западной культуры относятся к медитации или размышлению как к пассивному сидению или уходу в себя от мира с его проблемами. Однако жизнь в медитациях и размышлении, напротив, предполагает очень активное напряжение, направленное на самопознание и интеграцию личности. Те, кто предпринимают какие-либо действия без чёткого, точного понимания своих жизненно-важных нужд и истинных мотивов, могут на самом деле быть вполне пассивными индивидуумами. В версии вечной философии, предложенной Спинозой, ключом к человеческой зрелости и свободе является такое понимание мира и самих себя в нём, которое позволяет нам перейти от пассивного, бездумного обусловленного поведения к активным взаимоотношениям с окружающим нас миром.

Метафизика, необходимая возникающей экологической вечной философии, обеспечит структурное представление о фундаментальном единстве и взаимосвязанности вселенной, но в то же время и об уникальности и важности каждого отдельного живого существа. Эта метафизика взаимосвязанности позволит нам осознать, что весь природный мир, все прочие виды являются каким-то необъяснимым образом частью нас самих, а мы являемся их частью (взаимовлияние и сотрудничество). Подлинно активная личность предпримет непосредственные действия во имя сохранения природного мира, поскольку, в смысле глубокой зрелости, человек понимает, что такое сохранение — в интересах сохранения его самого, его эго, его как личности.

“ «Западная цивилизация в целом оказалась ныне между мечтами ... (почти как во времена Возрождения), а западный человек оказался между двумя

мечтами: позади — мечта о мире, обращённом в христианство, впереди — мечта о покорённой природе. Экологический кризис, угроза атомной войны, разрушение традиционных форм человеческой жизни передовыми технологиями ... (привели к тому, что) убаюкивающие надежды на научный прогресс, мечты о манипулировании природой для достижения наших эгоистических целей, кончились».

Джекоб Ниддлеман, «Чувство Космоса» (1975)

Литературная традиция натурализма и пасторалей в Америке

Хотя значительная часть современной литературы имеет очевидно антропоцентрические тенденции, сосредоточиваясь на человеке с его борьбой в условиях городской жизни и её неизбежными проблемами, всё же в Европе и Америке существуют богатые пасторальные и натуралистические литературные традиции, являющиеся хорошей основой для формирования глубинного экологического сознания. Романтическое движение в Европе, берущая начало с Жан Жака Руссо, бросившего вызов слишком цивилизованной, рафинированной Европе, и продолжающаяся в творчестве Гёте и романтических поэтов (Блейка, Вордсворта, Кольриджа, Шелли, и т.д.) можно рассматривать как противодействие узкому академизму и индустриализму современного мира. В Америке эту традицию продолжили Уолт Уитмен, трансцендентальный философ Эмерсон, Торо и Мюир.

Литературный критик Лео Маркс («Машина в саду», 1964) ссылаясь на эту традицию посреди воодушевления и волнений Дня Земли, критикуя научный истеблишмент за консерватизм и недооценку всей серьёзности экологического кризиса. Маркс обнаружил, что экологические взгляды выражены во многих произведениях пасторальной американской литературы, в частности, у Купера, Эмерсона, Торо, Мелвилла, Уитмена, Твена и других. Он утверждал, что понимание экологического взаимопроникновения у этих авторов, так же как и «ощущение места», часто приводившее к «неким воображаемым, призрачным переживаниям, выражалось в языке с такими сильными, экстремальными, почти мистическими чувствами, что многим читателям (однако, в большинстве случаев, не сторонникам молодёжной культуры 1960-х), трудно было воспринимать его серьёзно».

«Моби Дик» Мелвилла во многих отношениях можно рассматривать как классическую аллгорию западных (в частности, американских) саморазрушительных усилий покорить природу. Ахаб, капитан индустрии, всё больше сходит с ума в своих усилиях перехитрить и уничтожить природу в образе Моби Дика, огромного белого кита. Однако охотник сам становится добычей, и кит в конце концов уничтожает своего мучителя.

Эта литературная традиция, представленная также произведениями Мэри Остин, Д.Х. Лоуренса, Олдоса Хаксли, Робинсона Джефферса, Уильяма Фолкнера, Джозефа, Вуда Кратча, Генри Бестона, Анне Диллард, Уоллеса Стегнера, Сигурда Олсена, Френка Уотерса, Уенделла Берри, Эдварда Эбби, Барри Лопеса, Гарри Снайдера и других, призывает нас

откинуть индустриально-технократическое мировоззрение и восстановить наши корни в Матери Гее.

Если некоторые из романтических и трансцендентальных писателей были слишком субъективны и сентиментальны, оценивая доброту Природы и великодушие первобытных людей («миф о благородном дикаре»), то, начиная с Джона Мюира и Робинсона Джефферса и вплоть до Гарри Снайдера, писатели развивают более объективный взгляд на человека и Природу. К примеру, Д.Х. Лоуренс в своём выдающемся эссе «Пан в Америке» (1924) даёт обзор слишком сентиментального пантеизма в европейском романтизме, а далее приводит замечательно глубокий взгляд на более реалистическое, мистическое понимание взаимосвязанности и взаимодействия индейцами Нью-Мексико.

Никто из современных писателей не сделал так много, как Гарри Снайдер, для формирования мироощущения глубинной экологии. И в своих стихах, и в эссе Снайдер закладывает фундамент для «настоящей работы» по заселению этого континента сызнова. Его коллега, поэт Уильям Эверсон утверждал в своём «Прообразе Запада» (1976), что «уже добрых два десятка лет Снайдер прорубает направляющие, по которым должно продвигаться «зелёное» развитие Америки, и эта его работа не напрасна».

В 1975 году Снайдер получил Пулитцеровскую премию в области поэзии за книгу «Черепаший остров», содержащую самые лучшие из его стихов и важнейшие эссе и высказывания, связующие дзен-буддизм, традиции американских индейцев и глубинную экологию.

В своём проникновенном эссе «Спуск Гарри Снайдера на Черепаший остров» Эдвин Фолсом отмечает, что, когда закрылась западная граница, некоторые поэты начали искать новые направления для американцев. Стало очевидно, что религиозно-экономические воззрения, установленные индустриально-урбанистическим обществом, уничтожили природу и диких животных этого континента, сократив и нашу жизнь. Снайдер продолжает развивать идеи и традиции таких поэтов, как Уильям Карлос Уильямс и Харт Крейн, полагавших, что нам следует вступить в контакт с самой землёю, с представлениями и традициями древних американских племён, живших в гармонии с нею. Снайдер предложил хорошо отработанное им представление о новом племени «белых индейцев», которым предстоит заново населить землю, следуя «старыми путями». Фолсом утверждает, что:

“ «Самое главное достижение Снайдера — это то, что он вновь открыл дикую природу и вновь утвердил её важность, чётко отказавшись от американского закрытия границы. Снайдер объявляет открытие границы, пытается отбросить её на восток, повернуть вспять американский исторический процесс, вернуть дикую природу обратно в нашу цивилизацию, высвободить накопленную энергию от наслоений внутри нас».

Пользуясь очаровательной напевностью древней поэзии, Снайдер становится выразительным голосом Матери Гее и всех её живых существ, призывая нас вернуться к чистоте мыслей и «правильному житью», вернувшись на старые пути. Это — путь свободы для людей и для планеты. Говоря словами Снайдера: «Старое — значит истинное, верное,

нормальное: в потоке вселенной. Старое, потому что это основополагающий образ жизни, — даосизм, индуизм, буддизм, — младшие братья, слегка запутавшиеся вследствие перехода через временные завихрения, именуемые цивилизацией... Люди и места, которыми никто не будет управлять — их называем «дикими»...

Боб Стюдинг своей работе «Гарри Снайдер» поясняет различие между романтическими и экологическими взглядами:

? Теории современных поэтов, в частности, Снайдера, кажутся определённо неромантическими в своей сущности. У этих поэтов совершенно иное восприятие Природы, чем у романтиков... Романтики задавали множество существенных вопросов, но были неспособны расшифровать ответы из-за крепко приставших к ним иудейско-христианских предубеждений, гуманистических взглядов на вселенную, и, самое важное, отсутствия научных знаний... Трансценденталисты читали ориенталистов и соглашались, подобно Снайдеру, что всё со всем взаимосвязано. И всё же они стояли в стороне, рассматривая то, что они называли «Природой» как нечто иное, отличное от них... В отличие от восприятия мира, отражённого в последних работах Снайдера, романтики никогда не видели природу. Они рассматривали свои мысли, свой разум».

Наука экология

Важнейший вклад науки экологии в глубинную экологию состоит в том, что она снова открыла в современном научном контексте, что всё связано со всем остальным. Таким образом, экология как наука предложила взгляд на Природу, в котором отсутствовал дискретный, редукционистский подход ней, свойственный другим наукам.

Далее, в работах некоторых экологов и специалистов в области естествознания, в том числе Рейчел Карсон, Ф. Фрейзера Дарлинга, Чарльза Элтона, Олдо Леопольда, Пола Сирза, Уивильяма Фогта, Юджина Одума, Фрэнка Эглера и других, глубинное экологическое сознание существовало бок о бок с более узким определением экологии как «науки о природных взаимосвязях». Многие из этих экологов развили в своих работах те или иные версии биоцентрических взглядов на равенство всех живых существ, в том числе и людей.

Ещё один вклад науки экологии заключается в том, что она предлагала всем, кто ею занимался, работать в поле и действительно видеть взаимосвязи, вместо того, чтобы изучать их в лабораториях и аудиториях. Учёный, таким образом, должен был стать непосредственным участником процесса. Начиная с работ английского пастора Гилберта Уайта, через Торо, Мюира, Чарльза Дарвина и других учёных девятнадцатого века и до более «радикальных» экологов — Марстона Бэйтса, Фрэнка Эглера, Пола Эрлиха и других — экологи осознавали необходимость выйти за узкие пределы трактовки научных данных и заглянуть в своё собственное сознание, чтобы развить в себе своё собственное понимание, ощущение места.

В 1920-х и 30-х годах взгляды Олдо Леопольда резко переменились — от мировоззрения «руководства, заботливого управления» природными ресурсами к тому, что он стал

называть экологическим сознанием. Его важнейшие мысли об экологическом сознании и этике земли, пользующиеся огромным влиянием среди экологов всего мира, изложены в ныне классической работе «Календарь песчаного графства» (1949). Биоцентрическое равенство он выразил в классической форме: «мы вместе с другими созданиями всего лишь попутчики в одиссее эволюции». Принятие экологического сознания, говорит он, «изменяет роль Homo sapiens — из покорителя земного сообщества он становится просто его членом и гражданином. Это подразумевает уважение к остальным его членам, а также и ко всему сообществу как таковому».

Леопольд утверждал, что «биотический механизм настолько сложен, что мы, возможно, никогда не сможем полностью понять его работу», подрывая этим возможность тотального успешного покорения и контроля природы людьми, и подчёркивая тем самым загадочность биотических процессов. Леопольд также подчёркивал контраст между «человеком — покорителем и человеком — гражданином биоты; наукой, наточившей свою шпагу, и наукой — прожектором его вселенной; землёю — рабыней и прислугой и землёй — совместным организмом». Он говорил:

“ «...то, что человек, фактически, только член биотической команды, очевидно из экологической интерпретации его истории... совместные свидетельства истории и экологии дают основание сделать один общий вывод: чем менее насильственны перемены, вносимые человеком, тем выше вероятность успешного исхода изменений (экологической) пирамиды».

Леопольд одним из первых сформулировал эгалитарную этику экосистем: «Правильно то, что стремится сохранить целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. В противном случае оно неправильно».

Идеи Леопольда являются поистине подрывными и представляют собою веху в развитии биоэкоцентрических взглядов. Экологи отдали дань позиции Леопольда, но до недавнего времени почти никто из них не понимал полностью воздействия радикальной природы экологического сознания Леопольда.

В начале 1960-х годов Пол Сирс назвал экологию «подрывным предметом», а другие радикальные экологи, такие, к примеру, как Фрэнк Эглер, начали искать подходящую метафизику взаимосвязей для экологии и Запада в восточных религиях. Многие радикальные экологи, воспринявшие взгляды глубиной экологии, стали принимать участие в дебатах об образовательном процессе и государственной политике, выступая за охрану биологического разнообразия ради него самого и ради связей человека с текущими природными процессами. В частности, Марстон Бейтс, Джон Ливингстон, Дэвид Эренфельд и Пол Эрлих активно выступали против некоторых базовых положений доминантного мировоззрения, призывали к защите дикой природы и охране различных видов диких животных ради них самих.

Джон Ливингстон пытался найти важнейшие причины грандиозного провала попыток государственной политики сохранить дикую природу. Он видел, что все аргументы, используемые для её обоснования в общественных дебатах, были сплошь «рациональными»,

то есть основанные на узко ограниченных интересах человека. Теоретически и практически растения и животные воспринимались исключительно как используемые или потенциальные ресурсы для потребления разнообразными способами. В своей работе «Заблуждения охраны дикой жизни» (1981) и более ранней «Одно космическое мгновение» (1973) Ливингстон убеждал, что без коренных изменений сознания, глубокого осознания нашей взаимосвязанности с миром природы, безнадежно пытаться повернуть вспять текущую ситуацию и защитить дикую природу от разрушения человеком.

Дэвид Эренфельд внёс крупный вклад в критику подхода доминантного мировоззрения к управлению дикой природой и соответствующих технологических решений. В работе «Высокомерие гуманизма» (1978) он показывает, что главной опасностью для нашей цивилизации является разрушение природного мира, вызванное человеческой деятельностью, которое он объясняет как логический результат деятельности согласно доминантному мировоззрению. Он переходит к критической оценке практичности его основных положений. Эренфельд был одним из первых крупных экологов, давших систематических анализ этого мировоззрения с позиций, близких к глубинной экологии, поскольку в них звучит призыв к биоцентрическому равенству.

Пол Эрлих показал путь к активной политической деятельности в 1960-х и 70-х годах, выведя других профессиональных биологов и экологов на политическую арену, борясь за охрану природного разнообразия, постулируя как человеческие ценности, которые можно отстоять, только поддерживая биологическое разнообразие, так и внутреннюю неотъемлемую ценность лесных и морских экосистем.

Биолог Барри Коммонер пошёл даже дальше остальных экологов в своей общественной активности, став кандидатом в президенты США в 1980 году, выступив с платформой полного изменения всего направления природоохранной политики федерального правительства, хотя он никогда ясно не отстаивал позиции глубинной экологии.

Одним из важнейших вкладов Коммонера было то, что он кратко изложил «законы» экологии, содержащие основные принципы глубинной экологии, для аудитории непрофессионалов. Он перечислил эти законы в своей работе «Замыкающийся круг» (1971):

1. Всё связано со всем остальным.
2. Всё должно куда-то деваться.
3. Природа знает лучше.
4. Бесплатный сыр только в мышеловке, или за всё нужно платить.

Барри Коммонер комментирует Третий Закон Экологии — «Природа знает лучше»:

? По моему опыту, этот принцип вызывает значительное сопротивление, поскольку он противоречит глубоко укоренившейся идее об уникальной компетенции человеческих существ. Одной из наиболее распространённых черт современной технологии является убеждение, что её основная задача — «улучшить природу» — предоставить людям пищу, одежду, жильё, средства связи и выражения, значительно превосходящие те, которые человек может найти в природе.

Выражаясь прямо, третий закон экологии утверждает, что любое крупное изменение экосистемы человеком, как правило, будет для неё разрушительным. Это — экстремальное заявление; но я всё же полагаю, что если его правильно понять в надлежащем образом разъяснённом контексте, в нём обнаружатся значительные достоинства.

Я нахожу полезным объяснить этот принцип посредством аналогии... в биологических системах. Вполне возможно добиться определённого набора случайных, врождённых изменений в живом существе, обрабатывая его каким-нибудь агентом, ну, скажем, рентгеновскими лучами, увеличивающими частоту мутаций. Обычно рентгеновские лучи увеличивают частоту всех мутаций, которые наблюдаются, хотя очень нечасто, в природе, и могут поэтому рассматриваться как возможные изменения. Что важно для наших целей — так это универсальное наблюдение, доказывающее, что почти все мутации, частота которых увеличивается посредством рентгеновских лучей или другими способами, травмируют организм, и в большинстве случаев настолько опасны для него, что могут уничтожить ещё не полностью сформировавшийся организм.

«Новая физика» и глубинная экология

Начиная с семнадцатого века, направляющей моделью для построения науки была физика. Архитекторы Научной Революции — Рене Декарт и Исаак Ньютон — представляли вселенную в виде гигантского механизма, легко объяснимого в простых терминах причинно-следственных связей. Пьер Лаплас был убеждён, что наука сумеет объяснить абсолютно всё во вселенной — это только вопрос времени. Биологический мир можно будет объяснить в терминах физики. Общественные науки, в том числе психология и социология, чтобы быть достаточно уважаемыми науками, тоже строились по принципу и моделям физики. Доминантная западная метафизика, от Демокрита и Аристотеля вплоть до наших дней, рассматривала и продолжает рассматривать мир как набор дискретных сущностей или субстанций. Современная физика возведена на этих метафизических воззрениях, представляющих реальность как крошечные частицы изолированной материи — атомы. Кроме того, объективность научного знания требовала от учёного некой отстранённости от наблюдаемого им объекта или явления, чтобы его эмоции и субъективные предвзятые соображения не влияли на результаты наблюдений.

С приходом «новой физики» вся эта картина реальности разбилась вдребезги, хотя в общественные (гуманитарные) науки её идеи пробивали себе дорогу достаточно медленно. Идея дискретной материи, субатомных частиц отступает перед представлением о Природе как непрерывном течении или потоке трансформаций энергии. В том же ключе теперь и учёный уже не должен самоустраниться от проводимого им эксперимента или наблюдения — эта мысль отвергнута как иллюзия. Важно отметить, что ещё в девятнадцатом веке Торо и Мюир сознательно отказались от механистического научного метода и отстаивали точку зрения, что учёный должен быть активным участником научных исследований. В своей выдающейся книге «Нехоженым путём» Майкл Коэн рассказывает, как Мюир пришёл к своей теории ледникового образования Сьерра-Невады, лёжа на отполированном ледником граните, чтобы «думать как ледник». Торо, Д.Х. Лоуренс и Гэри Снайдер в своих научных подходах также активно опирались на чувства, ощущения, участие в исследовании.

Физик-теоретик Фритьоф Капра в своей работе «Дао в физике» (1975) проделал выдающуюся работу, дав разъяснение революционности новой физики и того, каким образом она привела к метафизическому взгляду на реальность, подобному воззрениям восточных религий и экологической взаимосвязанности. В работе «Поворотный пункт» (1982) Капра переносит это новое представление метафизической взаимосвязанности на рассмотрение перемен, которые необходимы нашим социальным структурам. Он считает, что глубинная экология является именно той системой взглядов, в рамках которой следует строить будущие человеческие общества.

Если новое мировоззрение и метафизика взаимосвязанности, вытекающая из более глубокого понимания экологии, действительно обоснованны и имеют силу, то следует ожидать появления такого же взгляда на реальность и в других областях. Медицина — один из примеров того, как подход к болезни, основанный на «дискретной проблеме», уступает место более холистическим концепциям здоровья.

Морис Берман, автор книги «Возрождение магии мира» (1981), видит серьёзные ловушки в некоторых версиях взаимосвязанного представления реальности, особенно в трактовках мыслителей Новой эры и пропагандистов новой физики, таких как Дэвид Бом. Берман утверждает, что представляемый ими процесс метафизики, основанный на кибернетической теории систем, рискует стать бестелесным. Их чисто формальные, компьютеризованные или математические абстракции полностью отбрасывают осязаемый, воспринимаемый всеми чувствами природный мир. В научной экологической теории многое базируется на теории кибернетических систем — продолжении картезианских взглядов семнадцатого века на вселенную как механизм, поэтому к ней нужно относиться с большой осторожностью. Попытки моделировать экосистемы с помощью компьютеров тоже сильно искажают живую реальность. Как говорит пословица «карта — не территория» («Гладко было на бумаге, да забыли про овраги»). Мы считаем Землю живым организмом, который следует понимать и воспринимать соответственно. Не существует никаких технологических упрощений непосредственного органического восприятия.

Однако самым опасным, по оценке Бермана, является то, что сознание в трактовке учёных Новой эры грозит стать «компьютерным сознанием» — то есть просто ещё одним абстрактным механистическим представлением реальности.

“ «Как мистические традиции, так и «новая физика» служат тому, чтобы выработать «экологическую осведомлённость» — так мы называем убеждённость во взаимосвязанности всех вещей, или, точнее, всех явлений».

Уорвик Фокс, «Интуиция глубинной экологии» («Эколог», 1984).

“ «Я думаю, что физика способна выработать экологическую осведомлённость. Видите ли, по-моему, современной западной версией мистического понимания, нашей версией буддизма или даосизма станет

экологическая осведомлённость».

Фритьоф Капра, цитируется по работе Уорвика Фокса «Интуиция глубинной экологии».

“ «Наша культура начинает, — если не слишком много спрашивать и критиковать, — обретать некое «компьютерное сознание»... видеоигры и домашние компьютеры формируют одинаковое мировоззрение у миллионов людей ... они передают ощущение, что реальность есть результат программирования, а дети, да и взрослые, черпают оттуда свой специфический бытовой словарь. Боюсь, что общий результат — обширная субкультура, считающая реальность по существу нейтральной, а главное — бестелесной, некой формой чисто ментального процесса».

Морис Берман, «Кибернетическая мечта 21 века» (1984, не публиковалось).

Христианство и глубинная экология

Нескольких мыслителей, представляющих христианскую традицию, могут служить источником позиции глубинной экологии в отношении органической целостности и биоцентрического равенства. В частности, эту позицию отстаивали святой Франциск Ассизский (1181-1226) и Джордано Бруно (1548-1600).

В своей статье «Исторические корни экологического кризиса» Линн Уайт-младшая называет святого Франциска величайшим духовным революционером после Христа и предлагает считать его святым покровителем экологии. Он делает следующий вывод:

? «Величайший духовный революционер во всей западной истории, Франциск Ассизский, предложил то, что он считал альтернативой христианскому представлению о природе и взаимоотношениям человека с нею; он пытался заменить идею неограниченного господства человека над всем сущим идеей равенства всех живых созданий, включая человека...

? Ключ к пониманию Франциска — его убеждённость в добродетели смирения и милосердия — не только к отдельной личности, но и ко всему человеческому виду. Франциск пытался свергнуть человека с его монархического пьедестала и установить демократию всех Божьих созданий».

Знаменитая праздничная, хвалебная песнь Франциска «Брате Солнце, сестрица Луна» признаёт равенство всего Божественного творения.

Философия Джордано Бруно базировалась на представлении о бесконечности вселенских взаимосвязей во времени и пространстве, охватывающих все явления, — как материальные, так и духовные. Каждая часть бесконечного множества миров Бруно движется своим собственным предназначенным ей курсом, движимая собственной двойственной природой — как часть целого и как индивидуум, связанный со всеми остальными мирами.

Прежде чем за все эти еретические мысли инквизиция сожгла его на костре на флорентийской площади Цветов в 1600 году, Бруно написал в своём важнейшем труде:

“ «Так что препятствием на пути познания природы и главным основанием невежества является неспособность воспринять во всех предметах и явлениях гармонию субстанций, движений и свойств ... Именно эти особенности, многие из которых кажутся издали абсурдными и одиозными, а при более близком взгляде уже выглядят прекрасными и истинными, — познанные глубоко, они будут полностью одобрены, самыми замечательными, самыми определёнными изо всех...»

Окончательную позицию глубинной экологии с христианской точки зрения ещё предстоит изложить, но начать следует со Священного Писания и традиции. Хвалебная песнь глубинной экологии, почерпнутая из Писания, могла бы начинаться, скажем, вот с такого отрывка:

Но спроси хоть зверей —

И научат они тебя;

И птиц небесных, —

И они научат тебя;

Или поговори с землёю, —

И она научит тебя;

И рыбы морские —

И они возгласят к тебе. (Иов, 12:7-8)

Феминизм и глубинная экология

Имеются существенные параллели между темами работ некоторых феминистских авторов и общественных активистов и важнейшими нормами и принципами глубинной экологии. Ведь многие феминисты утверждают, что глубинная экология — это интеллектуальное выражение понятий и взглядов, известных большинству женщин в течение многих столетий.

Некоторые авторы-феминисты подвергают критическому рассмотрению основные положения доминантного мировоззрения. В частности, Элизабет Додсон Грей в своей работе «Утерянный зелёный рай» критикует взгляд на реальность как на «мужское» начало и миф о том, что природа и человеческое общество иерархичны.

Призывая нас наладить наши личные взаимоотношения, более глубоко исследовать то, каким образом доминантный образ мыслей в нашей культуре создаёт условия для эгоизма, конкуренции, абстрагирования и господства, предлагая услышать «голос природы» не ради каких-то человеческих выгод, а ради него самого, феминисты углубляют наше чувство удивления и наши устремления к творческой, ненасильственной, вдохновляющей общественной деятельности.

Три женщины разных поколений являются особенно яркими образцами культивирования экологического сознания посредством сложного выражения своих экологических воззрений, а также своей общественной деятельности на основе глубоких принципиальных убеждений: Мэри Остин, Рейчел Карсон и Долорес ЛаШапель.

Мэри Остин (1868–1934), автор «Земли, где мало дождей» (1902), «Немощной» и многих других книг, действие которых происходит в калифорнийской засушливой глуши, обладает свойством, которое её биограф называет «поражительной современностью в конце 20-го века». Остин была писательницей, натуралистом и феминисткой, разъяснявшей нашу вечную ответственность перед Землёю и нашу взаимосвязанность с Ней прекрасной прозой с глубоким проникновением в суть вещей.

“ «Если кто-нибудь изумится сначала, каким образом в таком пустынном, заброшенном месте, какое едва ли когда-либо ещё выходило из Божьих рук, могло оказаться так много жителей, что они здесь делают и почему не уезжают, то, пожив здесь немного, он перестанет удивляться. Никакое иное место не привязывает вас к себе с такой силой, как эта коричневая земля. Радужные холмы, нежные голубоватые туманы, сверкающая лучистая весна обладают очарованием лотоса. Они обманывают время; так что, живя здесь, вы постоянно намереваетесь уехать, не отдавая себе отчёта в том, что так и не сделали этого».

Мэри Остин «Земля, где мало дождей».

Рейчел Карсон (1907–1964) сочетала в себе современное научное образование в области биологии и экологии с глубинной экологической осмысленностью и восприимчивостью. В своих книгах «Море вокруг нас» (1950) и «На морском ветру» она воспекает собственную изначальную ценность океанов. Её тревожило то, что наука использовалась для дальнейшей эксплуатации морей как природных ресурсов. Для неё экология была признанием органического, взаимосвязанного и взаимодействующего значения всего живого в Природе. Она приводила классические сказки о смирении, скромности и внимательности к ритмам вне нас.

Наконец, своей книгой «Безмолвная весна» (1962) об экологических последствиях широкого применения пестицидов Карсон приняла активное участие в дебатах о государственной политике в отношении охраны и разработки природных ресурсов. Эту книгу, пожалуй, можно считать началом «Века экологии». Её готовность принимать участие в общественных дебатах вдохновило целое поколение общественных активистов на постановку важных вопросов касательно принимавшегося тогда как само собою разумеющееся мнения о

применении пестицидов и гербицидов. Кроме того, работы Карсон непосредственно повлияли на многих европейских экологов, включая и Арне Нейса.

“ «Управление природой» — выражение, полное надменной самонадеянности, родившееся в неандертальскую пору биологии и философии, когда считалось, что природа существует для удобства человека. Концепции применяемой энтомологии и их реализация на практике берут своё начало в этом каменном веке науки. То, что такая примитивная наука вооружилась наисовременнейшим, страшным оружием, есть большое, тревожащее несчастье; применив его против насекомых, она ведь тем самым применила его и против земли».

Рейчел Карсон, «Безмолвная весна».

Хорошим примером связи экофеминизма с глубинной экологией является творчество Долорес ЛаШапель, которая учит глубинной экологии и пишет о ней в Центре «Путь горы» в Силвертоне, Колорадо. Альпинистка, горнолыжница, писательница, сторонница обрядов, ЛаШапель посвятила свою жизнь восстановлению старых способов общения с природой. В предисловии к «Мудрости Земли» она пишет, что «самое лучшее общение называется любовью; когда оно разрушено полностью — это война. И нечто похожее на войну происходит ныне между человеком и землёю. И дело не в том, что Природа отказывает нам в общении, а в том, что мы больше не знаем, как с нею общаться. Тысячелетиями первобытные люди обращались к земле и всем её существам посредством ритуалов и фестивалей, в которых все уровни человеческого существа были открыты всем уровням Природы».

Учась на собственном опыте альпинизма и пеших горных походов, обучая других тай ши и барабанной дробью, излагая свои интеллектуальные взгляды в различных публикациях, ЛаШапель предпринимает первые шаги к восстановлению утраченного общения в нашем современном, повреждённом обществе.

Она проводит ритуалы единения с Землёю и пишет о смысле ритуалов в современных культурах, отчужденных от Земли. Она приводит интеллектуальное обоснование осуществления того, что Сьерра Клуб и другие реформаторские природоохранные группы более всего не желают признавать — воссоединения с Землёй, без которого никакая «информация» о кислотных дождях и исчезновении лесов не даст ощущения связи с нею, так необходимой ущемленным современным людям.

Короче говоря, возникновение связей феминистов и экологов посредством конференций, коалиций с реформаторскими природоохранными и антиядерными группами, работ таких женщин как ЛаШапель, Карсон, Остин, а также Кэролин Мерчант, Анне Диллар, Сьюзен Гриффин и Элизабет Грей, показывает, что процесс исследования этих связей с глубинной экологией представляет собою очень мощную силу. Кэролин Мерчант исследует историю науки («Смерть природы», 1980) и вклад женщин в природоохранное/экологическое движение. В своём эссе «Феминизм и экология» она приводит законы экологии Коммонера и показывает очевидные связи между ними и

убеждениями феминисток.

Первобытные люди и глубинная экология

Великое море

Послало меня по воле волн

Оно качает меня

Как былинку в великой реке

Земля и великий шторм

Качают меня и

Уносят меня и наполняют

Всё внутри меня радостью.

Когда эскимосская женщина — шаман Увавнук поёт эту песню, по ней проходит интуитивное ощущение глубинной экологии, взаимосвязанности.

Когда глубинные экологи производят переоценку первобытных племён, включая разнообразные племена аборигенов Америки, они стремятся не к возрождению романтической версии первобытных людей как «благородных дикарей», а основы для философии, религии, космологии и практики охраны природы, применимых в нашем обществе.

Индейцы говорили о великом духе и воскрешали память о трогательном общении с землёю, о чувстве места. Чиф Сиэтл, к примеру, в своей знаменитой капитуляционной речи в 1851 году сказал: «Одно мы знаем наверняка. Земля сделана не для человека; человек сделан для Земли». Однако европейцы и интеллектуалы Запада слушали его не больно внимательно.

Сторонники глубинной экологии находят для себя много вдохновляющего в мыслях и восприятиях американских аборигенов. Как отмечает историк Дж. Дональд Хьюз в своей главе об «Индейской мудрости для сегодняшнего дня»: «Один из фактов, который мы неизбежно вынуждены констатировать, сравнивая индейское прошлое с нашим настоящим, заключается в том, что культура американских индейцев, основанная на осторожной охоте и сельском хозяйстве, согласном с их духовным восприятием, по существу сохранили землю и жизнь на ней».

Природные перемены, циклы, ритмы, землетрясения, мини ледниковые периоды — всё это влияло на место, где жили американские аборигены, но люди настойчиво придерживались своей духовной экологии. Ричард Нельсон в своей работе «Молитвы Ворону», посвящённой изучению естественной истории койюконов Аляски, говорит, что духовные представления аборигенов уводят нас в мифические времена.

“ «Всё окружающее персонифицировано, оно понимает, ощущает. Оно чувствует. Его можно обидеть. И с ним в любой момент нужно обходиться уважительно. Центральным положением мировоззрения койюконов является то, что естественный и сверхъестественный миры неразделимы; один

является внутренней неотъемлемой частью другого. Люди и природные сущности находятся в постоянном духовном взаимодействии и взаимном влиянии.

Аборигены Америки, так же как и другие первобытные племена могут научить нас почитанию земли — места бытия. Природу использовали — бобра, бизона и пр. — для поддержания жизни, но богатство конечных целей достигалось материальной технологией, которая была элегантной, утончённой, подходящей, и контролировалась в контексте традиционного общества.

Кроме того, аборигены Америки учат нас жизненности общинного строя, основанного на взаимной помощи людей и тесных связях с Природой. Современная, западная версия изолированных индивидуумов, навсегда конкурентных, агрессивных и не доверяющих друг другу — не «лучшее, что есть в человеческой природе».

Антрополог Стэн Стайнер приводит пророчество Хописа о том, что придут белые люди, уничтожат землю и себя самих. Индейцы пытались рассказать белым, как жить в мире и гармонии с Землёю, но белые не хотели или не могли их услышать. Стайнер объясняет базовую индейскую философию священного Круга Жизни: «В этом Круге Жизни каждое существо не больше и не меньше любого другого. Мы все — Братья и Сёстры. Мы делим жизнь с птицей, медведем, насекомыми, растениями, облаками, звёздами, солнцем. Чтобы жить в гармонии с природным миром, нужно жить в кругах жизни». Стайнер чутко присматривается к стремлению многих американских индейцев вернуться к старому образу жизни и защитить свои земли от усиливающегося индустриального разрушения.

Факты свидетельствуют, что первобытный разум находит всю совокупность антропогенных артефактов, таких как язык, общественная организация, нормы, одинаковые для всех значения, магию, — всё это он находит в мире первой Природы. Для первобытного ума не существует резкой границы между людьми и остальной природой. Многим глубинным экологам нравятся ритмы и образ жизни первобытных людей. Сторонники глубинной экологии не призывают «вернуться назад в каменный век», — они ищут вдохновения в первобытных традициях.

“ «...Культура американских индейцев, основанная на осторожной охоте и сельском хозяйстве, согласном с их духовным восприятием, по существу сохранили землю и жизнь на ней. ...Индейские концепции вселенной и Природы следует серьёзно изучать как действенные способы взаимоотношений с миром, а не как суеверные, примитивные или неразвившиеся ... Пожалуй, самое важное, что можно почерпнуть из индейского наследия, — это их почитание земли и всего живого... Нам важно учиться у природы, как это делали древние индейцы, прислушиваться к земле, восстановить своё мировоззрение посредством частого общения с естественным, а не созданным искусственно миром, с животными, с дикой природой... Традиционное мировоззрение индейцев

ценило людей, взаимосвязанные социальные группы, жившие в гармонии с природой...».

Дж. Дональд Хьюз «Экология американских индейцев» (1983)

Мартин Хайдеггер

*Когда ранний рассвет медленно,
Беззвучно поднимается над вершинами
Гор...
Затемнение мира никогда не закроет
Света Бытия.
Мы пришли слишком поздно, чтобы стать богами
Но слишком рано для Бытия.
Поэма Бытия, лишь только начинающаяся, —
Это человек.*

Мартин Хайдеггер

Мартин Хайдеггер сделал три вклада в литературу глубинной, перспективной экологии. Во-первых, он осуществил серьёзный критический анализ развития западной философии, начиная с Платона, и предъявил ей обоснованные обвинения. Он пришёл к заключению, что это антропоцентрическое мировоззрение проложило путь технократическому менталитету, породившему господство над Природой. Бытие — ключевая для Хайдеггера онтологическая концепция — было стеснено узкими рамками христианских троп или светской, гуманитарной, технологической философией Запада.

Во-вторых, Хайдеггер приглашал своих читателей на «опасное поле размышлений». По Хайдеггеру, размышление ближе к даосистскому процессу медитации, чем к западному аналитическому мышлению.

В-третьих Хайдеггер призывал нас жить аутентично на этой Земле, что совпадает с нашим призывом обитать в своём биорегионе, прислушиваясь к протекающим рядом природным процессам.

Винсент Вайсинас кратко перевёл смысл понятий «жить, обитать» по Хайдеггеру:

? «Обитать — не значит прежде всего населять некое место; это значит заботиться о нём и творить его, чтобы что-то в его пределах возвращалось к себе и процветало. Обитать, жить — это прежде всего спасать, в старинном смысле этого слова, то есть освобождать что-либо, позволив ему стать самим собою, тем, чем оно является по своей сущности ... Обитать — это проявлять заботу о вещах, так чтобы они существовали и возвращались к своему собственному изначальному состоянию...».

Хайдеггер призывал своих читателей отступить, «опрокинуть» наше обычное аналитическое мышление и воспользоваться силой нашей интуиции. Отступив назад, мы, быть может, откроем путь к освобождению Бытия.

Хайдеггер черпал интеллектуальное вдохновение у до-сократовских философов, которые, как он считал, были ближе к первобытной мысли, и у Природы, с которой он непосредственно общался, гуляя в полях и лесах вблизи своего дома. Создаётся впечатление, что он испытывал большие трудности, пытаясь объяснить рациональным философам и христианским теологам свой подход к мышлению. Современные экофилософы сталкиваются с той же проблемой, будучи ограничены только концепциями и языком западной философской традиции. К концу своей жизни Хайдеггер осознал, что голос поэзии более ясно выражает интуицию, чем формальная философия. Он пришёл к биоцентрической позиции, где люди «дают жить жизни».

МАЙКЛ ЦИММЕРМАН О ГЛУБИННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Хайдеггер утверждает, что «сущность» технологии не в технологических устройствах, а в том, что все существующие создания представляются человеку как объективное, предметное, исчисляемое, количественное сырьё, которое имеет ценность лишь постольку, поскольку оно может быть использовано для усиления человеческой власти и могущества. Хайдеггер говорит, что превращение всех существ в простое сырьё для человека является кульминацией истории западной цивилизации и философии, и в то же время триумфом нигилизма. Именно это сложное переплетение философии, технологии и нигилизма нам предстоит исследовать...

Этот [новый образ мыслей о живых существах] позволит человеку обитать в мире не как его хозяин..., суметь позволить любому живому существу в этом мире раскрыться во всем своём великолепии... Хайдеггер был согласен со многими из задач нового (экологического) сознания, включая желание прекратить бессмысленное расточение природы ради прибыли. Но он был более радикальным, чем большинство экологических мыслителей, продолжающих смотреть на человека как на «землевладельца» природы, в смысле его «права» манипулировать природой, если он не причиняет ей при этом слишком большого ущерба. При этом они всё ещё не видят, что важнейшая угроза технологического мировоззрения — не физическая, а духовная.

Традиции восточного духовного развития

Восточные источники включают работы по даосизму и буддизму. Современные глубинные экологи находят вдохновение, в частности, в классическом труде дао — «Дао те чинь» и в работах японского учителя буддизма 13 века Дёгена.

Восточные традиции выражают органическое единство, обращаются к тому, что мы называем традицией меньшинства, а некоторые традиции признают биоцентрическое

равенство. Более того, эти источники касаются и процесса возмужания, формирования зрелости, пробуждения от иллюзий и заблуждений.

Эти традиции оказали заметное влияние на американское интеллектуальное развитие. Эмерсона и Торо глубоко задевали восточные традиции, и через них эти традиции передались Мюиру. Восточное влияние увековечено в Америке 20 века в трудах Ф.К.С. Нортрапа, Д.Т. Сузуки, Элана Уоттса, Эллена Гинзберга, Пола Гудмена, Гарри Снайдера и многих других.

В 1950-е годы так называемые поэты — битники, такие как Гинзберг и Снайдер, начали переводить японскую и китайскую поэзию, основываясь на развитии своего собственного экологического сознания. Стихи и проза Дёгена, Чуан-Дзу, Хуа-Йена и других индийских, китайских и японских писателей — классиков были сняты с пыльных библиотечных полок, добыты из изолированных классов по восточной философии и китайской литературе и предложены группам людей, осуществлявших «настоящую работу» формирования своего экологического сознания.

В своей работе о труде «Саттва: просвещение для растений и деревьев в буддизме» для журнала «Козволюция», Уильям Р. ЛаФлёр делал такой вывод:

? «Цель здесь, конечно, состоит не в том, чтобы показать резкую дихотомию между Востоком и Западом. Ни человеческий ум, ни историческая точность не могут этого допустить. Но существуют взгляды и материалы ... которые могут помочь нам справиться с теми кризисами, которые мы имеем сегодня, и с нашим миром людей как на Западе, так и на Востоке».

Дзен гуру Роберт Эйткен Роши написал эссе «Ганди, Дёген и глубинная экология», в котором ясно показана связь между общественной деятельностью зрелого Ганди, медитациями Дёгена и взглядами и конечными нормами глубинной экологии.

Робинсон Джефферс

Робинсон Джефферс жил на калифорнийском побережье, у Биг Сур, большую часть своей долгой и плодотворной жизни. Он дал голос рекам, горам и соколам и ввел человеческие «достижения» двадцатого века в космический контекст. Люди со своими интеллектуальными системами, атомными бомбами, великими проектами стали «немножко слишком абстрактными, немножко слишком умными. Пришло время снова поцеловать землю». В своём стремлении к объективной истине он чётко отверг антропоцентрический субъективизм, или то, что он называл человеческим солипсизмом.

Взгляды глубинной экологии находим в формулировке религиозно-научного пантеизма, изложенной Джефферсом в 1934 году:

? «Я считаю, что вселенная — единое существо, все части которого — разные выражения одной и той же энергии, и они находятся в постоянном общении друг с другом, почему они и

являются частями одного органического целого. (Это, я полагаю, физика, но так же и религия). Все эти части изменяются и проходят, или умирают, — люди, и расы, и камни, и звёзды; ни одна из них не кажется мне важной сама по себе, — только целое важно. Это целое во всех своих частях так прекрасно, и я ощущаю его подлинность так интенсивно, что не могу не любить его и не считать его божественным. Сдаётся мне, что только это целое достойно самой глубочайшей любви; и что в обращении своей любви вовне, к этому единому Божеству, а не вовнутрь, к своему «я», или к человеческому воображению, к абстракциям — к миру духов, только в такой любви есть мир, и свобода, и, я бы сказал, некий путь спасения.

Я думаю, что это наша привилегия и блаженство — возлюбить Бога за Его красоту, не требуя и не ожидая любви от Него. Не мы важны для Него, — это Он важен для нас.

Я полагаю, что человек может сделать и свой вклад (пусть и совсем небольшой) в эту красоту, сделав красивой свою жизнь и окружающую его среду, насколько это в его силах и власти».

Один из критиков Джефферса назвал его «проповедником Спинозы 21 века». Его поэзия — это, собственно, психология чувств. Она переходит от радостных стихов, описывающих активные чувства человека, повышающего свою самореализацию как часть высшей Самореализации путём осознания себя как части всеобщности Бога/Природы, — к мрачной трагедии кровосмешения, убийства и других катастроф и несчастий, осаждающих тех, кто сгорает в порыве своих неодолимых страстей.

Джефферс увлекает людей в духовные поиски свободы во всей цельной Природе/Боге, от галактик до субатомных частиц, но прежде всего — в органическом мире своего непосредственного существования. Это становится ясным из его пояснений к одному из его самых любимых стихотворений — «Башня вдали от трагедий»:

«В этой поэме Орест отождествляет себя со всей божественной природой вещей: землёю, людьми, звёздами, горным лесом и бегущими с гор ручьями; всё это — одно существование, один организм. Он осознаёт это, так же как и то, что он сам — часть его, тождественен ему. Это восприятие — в его башне, недостижимой для трагедий; поскольку, чтобы ни случилось, великий организм останется навеки бессмертным и бессмертно прекрасным. Орест «влюбляется» не в человеческое существо, не по какой-то ограниченной причине, — он влюбляется во вселенское Божество. Вот в чём смысл моей поэмы».

Экологическое сознание более всего оживает именно в поэтическом ключе. Поэтические голоса Джефферса и Снайдера, которые так редко находим в современной поэзии, но так часто — в устной традиции первобытных людей, — это поток восхваления Природы/Бога и бытия.

Поэма Джефферса «Oh, Lovely Rock» из его «Избранного» (1938) иллюстрирует ту мысль, что смотреть глубоко и видеть глубоко — вещи совершенно разные. Мы можем начать видеть обычные вещи с необычной точки зрения.

О, КРАСАВИЦА-СКАЛА

Мы провели ночь в тесном ущелье Вентана Крик,
У восточного рукава этой речки.
Леса на скалистых обрывах и гребнях гор
Нависали над нашими головами — клёны, секвойи,
Лавр и дуб, земляничник, в плоть до высокой и стройной
Ели Святой Лючии, глядевшей поверх потока
На скользкие осыпи и обрывы.
Мы лежали на гравии, поддерживая небольшой костерок,
Чтоб не замёрзнуть. К полуночи всего пара тлеющих угольков
Рдела в прохладной мгле;
я подбросил охапку мёртвых листьев
В горячую золу и тлеющие угли,
примостил на них сухие щепки
И снова лёг. Возрождённое пламя
Осветило лица моего спящего сына
и его спутника, и вертикальное лицо
Стены огромного обрыва
Над ручьём. Лёгкие листья плясали в дыхании костра;
Виднелись стволы деревьев; но мой ум, мой взгляд
был очарован
Каменной стеной обрыва. Ничего странного: светло-серый
Диорит с парой косых трещин,
Отполированный до блеска бесконечными оползнями и
потоками; ни мха, ни папоротников,
лишь обнажённый камень...
Словно я увидел камень впервые. Словно я видел
Сквозь освещённую поверхность реальный, телесный
И живой камень. Ничего странного ... не могу
Рассказать вам, как странно: беззвучная страсть, глубокое
Благородство и детское очарование: судьба, текущая
Вне наших судеб. Она здесь, в горах, как
Серьёзно улыбающееся дитя. Я умру, и мои мальчишки
Проживут свою жизнь и умрут, и наш мир
Будет двигаться сквозь свои быстрые агонии
перемен и открытий
Этот век умрёт, и волки завоюют в снегу вокруг нового
Вифлеема: а эта скала всё будет здесь, серьёзная, подлинная,
Не пассивная: энергии —
Её атомы всё ещё будут возносить вверх всю её:
и я, множество прошедших веков назад,
ощущал её напряжённую реальность
с любовью и восхищением, —
Эту одинокую скалу.

Джон Мюир

Наследство, доставшееся глубинному экологическому движению от Джона Мюира, заключается в его понимании единственности Земли, его понимании науки как участницы процесса изучения, в том, как он выражал биоцентрическое равенство, и в его активной ведущей роли в решении вопросов государственной политики, влияющих на дикую природу.

Снова и снова движения реформатов и сторонников глубинной экологии возвращаются к воззрениям, выраженным Джоном Мюиром в цитируемых ниже отрывках:

“ «Пусть охотник-христианин пойдёт в господни леса и убьёт там любого зверя, или дикого индейца — и всё нормально; но пусть только предприимчивый представитель этих заранее обречённых быть жертвой пород направится в дома или поля и убьёт самого никчемного из этих прямоходящих богоподобных убийц — о! Это же ужасно! Это не принято, а со стороны индейцев — это зверское убийство! Не больно-то я симпатизирую всем этим нормам поведения эгоистичного цивилизованного человека, и если бы вдруг разразилась война между дикими зверями и Господином Человеком, я, пожалуй, стал бы на сторону медведей...

Нам говорят — мир был создан для человека. Предположение, не обоснованное никакими фактами. Существует многочисленный класс людей, у которых начинаются тяжкие приступы изумления, когда они обнаруживают что-нибудь — живое ли, или мёртвое, во всем Божьем мире, чего они не могут съесть или иным каким-нибудь образом употребить с пользой для себя ... Мало им Земли, — они претендуют и на небесную страну, словно они единственные обладатели души, для которой эта невесомая империя была спланирована...

Природа создавала животных и растения прежде всего, быть может, с тем, чтобы каждое из них было счастливо; она не сотворила всё сущее для счастья лишь одного. Почему же человек должен ценить себя выше, чем просто как бесконечно малую составляющую частицу одного великого целого творения? ... Вселенная была ба несовершенной без человека; но она также была бы несовершенной и без мельчайшего трансмикроскопического создания, которое существует за пределами восприятия нашего самодовольного знания и зрения».

В конфликте по поводу сооружения плотины в пределах Йосемитского национального парка, в том месте, что называется Хетч Хетчи, Мюир и его союзники видели более широкие последствия строительства этой плотины, в то время как её сторонники видели только узкий контекст обеспечения водою бурно развивающегося города Сан-Франциско.

В борьбе за Йосемитский парк Мюир был втянут, как он говорил «в политическое болото», и вынужден был позднее записать в своём дневнике: «Эти игры в политику бьют по самым основаниям справедливости». И всё же он предпринял прямые действия, поскольку считал такие действия необходимыми. В 1980-х годах дальнейшее запруживание и забор воды из реки Туолумн ниже Хетч Хетчи по-прежнему остаётся спорным вопросом.

В работах Мюира выражены его глубинные экологические принципы, однако ему было трудно писать для широкой публики о своём непосредственном опыте в Сьерре. Отношение к нему критиков демонстрирует продолжающуюся и сейчас дилемму для глубинных экологов. Трудность, по нашему мнению, заключается в разнице между узким определением рационального, разумного в современном западном мировоззрении и более глубоким объективизмом Мюира, Джефферса и восточными традициями, о которых говорилось выше.

Майкл Коэн в своём «Нехоженном пути» рассказывает о «штормовой проповеди» Мюира и о его трудностях с компромиссным политическим процессом в либерально-демократическом обществе, где «политика заинтересованных групп» означает «политику власти» (мобилизацию денег и электората для оказания влияния на законодателей посредством численности, а не принципов).

Наконец, Мюир вдохновил движение глубинной экологии, поставив важные вопросы, касающиеся его собственной жизни и жизни человеческого вида. Могут ли люди ограничить себя и повернуть вспять путь разрушения, проделанный во имя прогресса, экономическое развитие, основанное на эксплуатации, и войну против самой Природы? При жизни Мюира слово экоцид ещё не существовало, но он, конечно же, понимал и саму концепцию, и её следствия.

В 1875 году, проведя несколько лет в странствиях по Сьерре, исследуя ледники и горы и изучая всё возрастающее негативное воздействие выпаса скота на горных лугах, Мюир писал в своём дневнике:

“ «Я часто думаю, что человек сделает с горами. То есть, с их покровом, который он использует и разрушает. Вырубит ли он весь лес, чтобы строить из него дома и суда? И если да, то какой же будет дальняя, окончательная развязка? Приведёт ли человеческое разрушение, так же, как и природное — пожары, наводнения, лавины, — к высшему благу, к ещё большей красоте? Придёт ли лучшая цивилизация, в согласии с видимой природой, и будет ли вся эта дикая красота воспета поэтами? Следующее извержение вулкана, или ещё один ледниковый период сотрут с лица гор все цветы, и цветущие кустарники куда более эффективно, чем пасущиеся овцы. И что же будет тогда — каков человеческий вклад в судьбу этих гор?»

Дэвид Броуэр

Дэвид Броуэр более тридцати лет был в самой гуще реформаторской природоохранной политики. Сначала как исполнительный директор Сьерра Клуба (1952–1969), затем как основатель и президент «Друзей Земли» (1969–79), он играл активную роль в принятии важных государственных политических решений в отношении природных ресурсов США, в том числе в разрешении спора о плотине в Эхо Парке в начале 1950-х годов, в битвах по поводу плотин на реке Колорадо в Гранд Каньоне в 1960-х, в принятии законов о Национальной системе охраны дикой природы, о реформе Службы леса США, о создании Агентства по охране окружающей среды; он был активным участником многих мероприятий, конференций и действий, способствовавших интернационализации природоохранного

движения в 1970-х годах.

На государственной службе и в своём личном интеллектуально-эмоциональном развитии Броуэр демонстрировал иногда трудное взаимодействие между реформаторскими политическими действиями и более глубоким экологическим контекстом. Он основывал свою философию на глубинном экологическом утверждении Джефферса о том, что человек — лишь малая часть биосферы, а отнюдь не господин и повелитель всего сущего. И он часто говорил о «праве будущих поколений» людей и других существ на «здоровую окружающую среду».

В предисловии к работе «Это — американская земля» (1961) Дэвид Броуэр писал:

“ «Хотя Томас Джефферсон утверждал, что ни одно поколение не имеет права покушаться на свободу другого поколения, право будущих поколений познать свободу дикой природы быстро уходит. И оно не должно уйти совсем. Эту трагическую потерю можно предотвратить, если только мы сможем выработать более широкое понимание следующего: ресурсы Земли существуют не только для того, чтобы мы растратили их на свой комфорт, удовольствия или удобства одного-двух поколений, которые первыми научатся как их растратить; что часть этих ресурсов существует для того, чтобы их сохранить, и то, что наносит ущерб им, наносит ущерб и всему человечеству; что одним из таких ресурсов является дикая природа, в которой поток жизни, в мириадах её форм, течёт с начала времён, и человек с его технологиями никогда ещё существенно не прерывал его; что эта дикая природа стоит того, чтобы её охранять ради её собственного значения, как части природоохранной этики; что такая охрана есть ныне императив для цивилизации и всего человечества, независимо от того, знают ли об этом все люди или пока ещё нет».

Особый вклад Броуэра в движение глубинной экологии заключается в следующем. Во-первых, он показал, что вопросы экологии/охраны природы выходят за рамки политических партий, за рамки мнений экспертов — идеологов сохранения ресурсов, за рамки национализма. Во-вторых, в своих публикациях он нёс идеи глубинной экологии двум поколениям читателей.

В 1950-х годах Броуэр предложил создать широкую коалицию природоохранных групп. В 1980-х он взял на себя задачу объединения движения за мир с природоохранным движением. Он организовал несколько конференций «Судьба Земли» и стремился «пробудить экологическое сознание во всех слоях общества». Когда его спросили, думает ли он, что Мюир одобрил бы такое направление природоохранного движения, Броуэр ответил цитатой из Мюира: «Когда мы пытаемся вытащить что-нибудь само по себе, мы тут же обнаруживаем, что оно крепко связано совсем остальным во вселенной».

Через Сьерра-Клуба и «Друзей Земли» Броуэр помогал популяризировать идеи глубинной экологии, издавая прекрасные, выставочного формата книги о Торо, Мюире и Джефферсе. Он убедил Пола Эрлиха написать книгу «Бомба перенаселённости». Антологии, которые

Броуэр собирал из материалов конференций Сьерра Клуба по охране дикой природы в 1960-х, часто содержали важные идеи о биологическом равенстве и значении общения с дикой природой как жизненно важной человеческой потребности.

Наконец, Броуэр сделал ещё один вклад, поставив под вопрос некоторые положения современного доминантного мировоззрения, особенно о вере в неограниченные технологические возможности. Его собственная «конверсия», как он называл своё обращение в скептика в отношении неограниченного технологического развития началось с вопроса о размещении ядерного реактора в каньоне Дьявола на калифорнийском побережье. Прослушав выступления учёных на нескольких конференциях, он понял, что у них не было объективных, нейтральных ответов на технические проблемные вопросы, и что они вообще не поднимали этические темы. В течение двадцати лет Броуэр видел непрерывный обман, жульничество, манипулирование данными о реакторе в каньоне Дьявола; учёные совершали всё это, обслуживая корпоративные интересы гигантской компании коммунальных услуг. Далее, в политическом процессе, он видел бесконечные компромиссы и попытки «заключить сделку», которые позднее пришлось «выводить на чистую воду», по мере того, как провалы процесса принятия решений становились всё более и более очевидными. Всё это способствовало продолжающейся «радикализации» Броуэра — «самого выдающегося американского борца за охрану природы».

Итак, существует множество разнообразных источников формирования мировоззрения глубинной экологии. Группа идей, составляющих это мировоззрение, всё ещё совершенствуется благодаря дальнейшему осознанию мудрости традиций, рассмотренных в этой главе. Историки, философы, специалисты общественных наук могут внести свой вклад в формулирование аспектов глубинной экологии, вытекающих из этих традиций, и предложить пути культивирования экологического сознания и действия в рамках нашей культуры на основании принципов глубинной экологии.

Версия #1

Зверобой создал 20 апреля 2025 20:13:15

Зверобой обновил 20 апреля 2025 20:18:45